

8. Debo A. *Geronimo: The Man, His Time, His Place*, Norman, University of Oklahoma Press Publ., 2012.
9. Egbert D. D., Lee D. M. *Princeton Portraits*, Princeton, Princeton University Press Publ., 1947.
10. Faulk O. D. *The Geronimo Campaign*, New York, Oxford University Press Publ., 1969.
11. Hoeveler D. J. *Creating the American Mind: Intellect and Politics in the Colonial Colleges*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers Publ., 2007.
12. Meed V. D. *Soldier of Fortune: Adventuring in Latin America and Mexico with Emile Lewis*, Houston, Halycon Press Publ., 2003.
13. Roberts D. *Once they moved like the wind: Cochise, Geronimo, and the Apache Wars*, New York, Simon and Schuster Publ., 1994.
14. Rosenbaum R. *The Secret Parts of Fortune: Three Decades of Intense Investigations Edgy Enthusiasm.*, New York, Random House LLC Publ., 2000.
15. Sides H. *Blood and Thunder. The Epic Story of Kit Carson and the Conquest of the American West*, New York, Anchor Books Publ., 2007.
16. Slotkin R. *Gunfighter Nation: the Myth of the Frontier in Twentieth-century America*, Norman, University of Oklahoma Press Publ., 1992.
17. Susi M. *Columbia University and Morningside Heights*, New York, Arcadia Publishing Publ., 2007.
18. Syrett N. *The Company he keeps: A history of white college fraternities*, Chapel Hill, The University of North Carolina Press Publ., 2009.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, профессор

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Уланова Галина Владимировна, аспирант

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: kekeeva_galina@mail.ru

Статья посвящена проблеме экономического потенциала буддийской культуры. Актуальность данной темы обусловлена интересом к проблемам философского, этического и ценностного обоснования экономического развития общества, о чем свидетельствует постоянно возрастающий объем научных исследований в этой области, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Обращение к социально-философскому анализу хозяйства в контексте социокультурных, религиозных традиций обусловлено не только собственно экономическими, но и цивилизационными, демографическими, социально-политическими тенденциями развития.

Ключевые слова: буддизм, философия хозяйства, хозяйственная культура, буддийская экономика, хозяйственная этика

TO A QUESTION ABOUT THE ECONOMIC POTENTIAL OF BUDDHIST CULTURE

Ulanov Mergen S., D.Sc. (Philosophy), Professor

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

---

* Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет». Тема «Буддийская культура и экономическая теория».

Ulanova Galina V., Post-graduate student

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
E-mail: kekeeva_galina@mail.ru

The article deals with the problem of the economic potential of Buddhist culture. The relevance of the topic is due to the interest in the problems of the philosophical, ethical and axiological underpinning of economic development of the society. It is witnessed by the increasing amount of researches in this field, both in national and foreign science. This attention to the socio-philosophical analysis of the economy in the context of socio-cultural, religious traditions is conditioned by not only the economic but also civilization, demographic, social and political trends of development.

Keywords: Buddhism, philosophy economy, economic culture, Buddhist economics, economic ethics

Актуальность данной темы обусловлена интересом к проблемам философского, этического и ценностного обоснования экономического развития общества, о чем свидетельствует постоянно возрастающий объем научных исследований в этой области, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Обращение к социально-философскому анализу хозяйства в контексте социокультурных, религиозных традиций определено не только собственно экономическими, но и цивилизационными, демографическими, социально-политическими тенденциями развития.

Одним из первых вопросов о влиянии буддизма на экономическое развитие поставил немецкий социолог М. Вебер. Анализируя основополагающие культурно-исторические типы мировоззрения, М. Вебер сопоставлял западный тип, ориентирующийся на овладение мира, с индуистско-буддийским, определяя социальную позицию последнего как «бегство от мира». В этом отношении к буддизму у него было немало последователей, которые стремились подкрепить новыми фактами и рассуждениями мнение М. Вебера об иррационализме буддизма и его враждебности, как духу капитализма, в частности, так и социально-экономическому прогрессу в целом.

Приверженцы «провеберовского» подхода пытались показать отсутствие в буддизме аналогов протестантской этики и обосновать несовместимость ценностей этой религии с развитием капитализма. Так, например, шведский ученый Г. Мюрдаль, отрицает возможность создания на основе буддизма эффективной экономической системы. Буддийские народы Южной Азии, по его мнению, «приучены ждать или требовать, предъявлять требования правительству, не проявляя при этом особой готовности изменить привычный уклад своей жизни. А это не способствует экономическому развитию, так как цель планирования в отсталой и бедной стране состоит в том, чтобы добиться от народа рационализации привычного образа жизни и, в частности, побудить его к более упорному и целеустремленному труду...» [3, с. 176].

Данное мнение широко распространено в современной протестантской литературе, где в качестве примера приводится феномен Южной Кореи, которая, по мнению некоторых авторов, под воздействием западного христианства превратилась из отсталой буддийской страны в передовую индустриальную нацию. Однако данный вывод основан на плохом знании истории Кореи. Во-первых, в Корее буддизм находился в опале с XIV века, и буддийские монахи считались самым низшим сословием в стране. Хотя буддизм и продолжает жить в горных монастырях, он не оказывал прямого воздействия на общество. Поэтому ко времени проникновения протестантизма в страну Корею сложно было назвать буддийской страной. Во-вторых, Южная Корея делала экономические рывки именно при президентах, которые считали себя буддистами (Пак Чон Хи, Чон Ду Хван, Ро Дэ У). Так, например, при правлении генерала-буддиста Пак Чон Хи начался резкий экономический взлет Республики Кореи, а доходы граждан возросли в 20 раз. При его приемнике буддисте Чон Ду Хван экономика Южной Кореи продолжала свой стремительный рост, укрепили свои позиции всемирно известные корпорации как Samsung, LG и др. Экономический рост про-

должался во время правления Ро Дэ У, буддиста по вероисповеданию, который начал демократические реформы в стране.

Мнение М.Вебера о низком экономическом потенциале буддизма разделяют не все ученые. Некоторые исследователи полагают, что М.Вебер заблуждался в своих принципиальных оценках буддизма, доказывая его отрицательное влияние на экономику и предпринимательскую деятельность. Выводы, сделанные М.Вебером, по их мнению, во многом абстрактны и далеки от реальной действительности. Буддизм, отмечают они, вполне способен прямо и косвенно содействовать социально-экономической модернизации и тем самым выполнять конструктивные и прогрессивные функции. Так, буддолог Тревор Линг, утверждает, что негативные оценки буддизма М.Вебером являются ошибочными, так как буддийскую экономическую модель нельзя рассматривать с позиций протестантского индивидуализма, а буддизм невозможно описывать с точки зрения христианства [8, с. 105–118].

Попытка проверить веберовскую оценку буддизма состоялась в ходе полевых исследований, проведенных в 1959–1960 гг. Д. Пфэннером в Бирме и Я. Ингерсоллом в Таиланде. Изучая эти страны, ученые пришли к выводу, что хотя буддийские монахи непосредственно не связаны с производством, институт монашества путем передачи ценностных установок и норм все же оказывает определенное воздействие на социально-экономическую систему, влияя, как на образ жизни, так и на принятие решений о производстве и потреблении [9, с. 341–357].

Исследователем концепции «буддийской экономики» стал английский экономист Э.Шумахер, автор известной книги «Малое прекрасно: Экономика, в которой люди имеют значение». Его концепция исходит из идей «промежуточной технологии» — экономики, которая уже не является примитивно традиционной, но еще не стала высокоразвитой и современной. Поскольку, отмечает Э.Шумахер, существует понятие «буддийский образ жизни», то должна существовать и «буддийская экономика». Она отличается от других систем тем, что адепт буддизма усматривает суть цивилизации не в умножении потребностей, а в очищении самого человека. Буддист ставит творческую деятельность выше производства и потребления, которые не являются самоцелью [5, с. 65–67].

Работа Э. Шумахера представляет интерес еще и потому, что он стремился осуществить на практике идеи буддийской экономики. В 1955 г. Э. Шумахер был отправлен британским правительством в Бирму в качестве консультанта по развитию. Его задачей было содействовать «прогрессу» Бирмы, помочь бирманцам перенять западный опыт и технологии. Однако, проведя в стране несколько месяцев, Э.Шумахер пришел к выводу, что Бирма не нуждается в развитии по западному образцу, поскольку обладает своей собственной совершенной экономической системой, которую он назвал «буддистской экономикой».

В центре буддийской экономической теории, полагает Э. Шумахер, находится человек, а не рост ВВП или производство на душу населения. В буддизме важна именно душа человека, реализация его способностей. В то же время «современный экономист может прибегать к чрезвычайно сложным вычислениям, чтобы выяснить, выгодна ли полная занятость или, быть может, «экономически целесообразнее» будет поддерживать неполную занятость, чтобы обеспечить большую мобильность рабочей силы, более стабильную заработную плату и т.д. Фундаментальным критерием успешности для него является, попросту, количество благ, произведенных за данный период времени» [5, с. 69]. С точки зрения буддийского мировоззрения, подобная позиция абсурдна, «потому что благам придается большее значение, чем людям, а потреблению — большее значение, чем созидательной деятельности. Мы переносим акцент с рабочего на продукт работы, то есть с человека на то, что стоит ниже человека, и оказываемся во власти сил зла. Буддистское экономическое планирование было бы с самого начала ориентировано на полную занятость, а его первоочередной целью было бы дать работу каждому, кто нуждается во «внешнем» рабочем месте» [5, с. 70].

Буддийская экономика максимизирует занятость вместо того, чтобы максимизировать производство. Трудиться необходимо, так как честный труд питает и возвышает человека. С точки зрения фундаментальных целей буддийского учения, развитие хозяйства должно быть ориентировано на совершенствование личности. При этом ключевым инструментом здесь является честный труд. С точки зрения буддизма, труд направляет свободную волю человека в правильное русло и дисциплинирует человека, ограничивая в нем животное начало. Безработица же означает исчезновение позитивного, творческого влияния труда. Таким образом, лишение человека работы, с точки зрения буддийского подхода, является вредным явлением не только потому, что лишает его средств существования, но и потому, что он теряет возможность дисциплинироваться и совершенствоваться с помощью честного и творческого труда [5, с. 70].

Автор отмечает, что современное развитие буддийской идеологии в странах Юго-Восточной Азии идет по пути оправдания новых экономических тенденций и современных видов предпринимательства с помощью традиционных для буддийской культуры понятий и ценностей. Несмотря на то, что буддиста, в отличие от материалиста, интересуют, прежде всего, не материальные блага, а освобождение, буддизм не отвергает материальное благополучие. «Буддизм, – подчеркивает Э. Шумахер, – это «Средний путь», и поэтому он ни в коем случае не противоречит материальному благополучию. Путь к освобождению преграждает вовсе не благосостояние, а преданность благосостоянию, не наслаждение приятными вещами, а одержимость ими. Таким образом, ключевые понятия буддистской экономики — простота и ненасилие. С точки зрения экономиста, чудо буддистского жизненного уклада заключается в его совершенной рациональности — паразительно малые средства ведут к чрезвычайно удовлетворительным результатам» [5, с. 70–71].

В то же время суть буддийского воззрения на материальные блага не ограничиваются только требованием простоты и максимального удовлетворения минимальными средствами. Главное в буддийских экономических представлениях то, что потребление не является самоцелью, а нравственность остается превыше всего. Материальное благосостояние в буддизме является вспомогательным средством для духовного развития личности. «Буддистская экономика, – пишет Э. Шумахер, – должна очень сильно отличаться от экономики современного материализма, поскольку для буддиста сущность цивилизации заключается не в приумножении потребностей, а в очищении человеческих нравов. В то же время первоочередное влияние на формирование нравов людей оказывает их работа. Работа, выполняемая должным образом и в условиях, отвечающих человеческому достоинству и свободе, благословляет и тех, кто ее делает, и то, что они производят» [5, с. 68].

Фундаментальной основой «буддийской экономики» несомненно, является теория «Срединного пути», которая предполагает максимальное благосостояние при минимизации потребления, а также выработку правильного стандарта потребления. Буддистская экономика, считает Э. Шумахер, связана с иным образом жизни и потребления, нежели тот, который сложился на Западе и который можно обозначить как перепотребление. В странах, исповедующих буддизм, отмечает ученый, существует осознание ограниченности природных ресурсов. Поэтому у буддистов нет цели в максимизации потребления. Однако экономисту с Запада это очень сложно понять, так как он привык измерять уровень жизни населения количеством потребленных за год товаров и услуг. Западный экономист считает, что тот, кто потребляет больше, живет, несомненно, лучше того, кто потребляет меньше. «Буддистский экономист, – пишет автор, – оценил бы такой подход как безмерно иррациональный, поскольку потребление – лишь средство обеспечить человеческое благополучие, то целью должно быть достижение максимума благополучия при минимуме потребления... Владение собственностью и потребление – это лишь средства для достижения целей, а буддистская экономика представляет собой систематическое учение о том, как достичь целей минимальными средствами» [5, с. 71].

По мнению Э.Шумахера, большое значение для буддийской экономики играет минимизация воздействия производственной активности на природу, с точки зрения ухудшения экологических условий. Именно в отношении к природным ресурсам заключается одно из главных отличий между западной и буддистской экономикой. Эксплуатация природных ресурсов во все больших объемах представляет собой «акт насилия по отношению к природе, который почти неизбежно должен привести к насилию между людьми» [5, с. 73].

Базовые ценности буддизма – ненасилие и простота распространяются и на сферу хозяйственно-экономической деятельности. Э. Шумахер подчеркивает, что простота образа жизни и сознательное снижение стандарта потребления у буддийских экономистов тесно связаны с религиозным императивом ненасилия. Они позволяют людям жить без напряжения, конфликтов, постоянного чувства неудовлетворенности и погони за материальным достатком. «Оптимальная модель потребления, позволяющая людям достигать высокой удовлетворенности средствами относительно незначительного потребления, дает им возможность вести жизнь, свободную от серьезного давления и забот, и выполнить основное предписание буддистского учения: «Прекрати творить зло; старайся творить добро» [5, с. 72].

В буддийской экономике и буддийском образе жизни, по мнению Э. Шумахера, мы видим альтернативную модель рационального хозяйствования, которая заметно отличается от современной западной экономики. Образ жизни в буддийских странах характеризуется энергосберегающим способом поведения. Это касается и потребления, и производства. Согласно Э. Шумахеру, идеалу «срединности» соответствует производство на основе местных ресурсов и нужд. «Тогда как зависимость от товаров, импортируемых издалека, с последующей необходимостью производить товары для экспорта неизвестным людям, живущим где-то далеко, крайне экономически нецелесообразна и может быть оправдана лишь в исключительных случаях и лишь в малых масштабах» [5, с. 72].

В заключение своего анализа феномена буддийской экономики Э. Шумахер подчеркивает важность выбора правильного пути развития современной экономики. Автор отмечает, что пример буддийской экономики может способствовать положительному изменению экономики многих экономически развитых государств. «Именно в свете непосредственного опыта и, одновременно, долгосрочных перспектив буддистскую экономику можно рекомендовать даже тем, кто верит, что экономический рост важнее любых духовных или религиозных ценностей. Ведь речь не идет о том, чтобы выбрать между «современным ростом» и «традиционным застоєм». Речь идет о том, чтобы найти правильный путь развития, «Средний путь» между безрассудством материализма и неповоротливостью традиционализма; короче говоря, речь о том, чтобы найти «Правильный образ жизни» [5, с. 74–75].

Японские исследователи С.Хосаку и Ю.Нагаясу отмечают позитивную роль буддизма в формировании деловой этики в Японии. Они высоко оценивают потенциал буддизма для развития этики международного бизнеса. Буддийская философия, указывают ученые, открывает человечеству возможность построения принципиально новой экономики, а многие конкретные рекомендации буддизма могут эффективно использоваться в деятельности корпораций. С. Хосаку и Ю. Нагаясу позитивно оценивают перспективы использования принципов буддизма для развития этики международного бизнеса. По их мнению:

- буддизм содержит идеи для выработки эффективных морально-этических критериев бизнеса, показывает, чем руководствоваться и как преуспевать в хозяйственной деятельности, как спасти современный мир от экологической катастрофы, кризисов и т.п.;
- буддизм позволяет глубже познать духовный мир человека и его возможности, законы природы, учит людей физически здоровой и духовно богатой жизни;

- вместо системы, основанной на критериях прибыли и максимальном использовании ресурсов, буддизм открывает всему миру дорогу к новой мировой системе – экологичной экономике, которая позволит изменить наши внутренние ценности и спасти планету от кризиса;

- с позиций буддизма корпорация может рассматриваться как организация, созданная на принципах общности интересов и взаимоуважения ее членов, так как буддизм направлен на то, чтобы сделать людей добрее, внимательнее, миролюбивее с помощью альтруистического мировоззрения;

- многие конкретные положения буддизма могут иметь эффективное практическое применение, например, положение «о постоянстве изменений» способствует более глубокому обоснованию технологических нововведений и т. д. [7, с. 99–104].

Сходную точку зрения можно найти и в коллективной монографии «Этика бизнеса: Япония в глобальной экономике», подготовленной американскими и японскими учеными. Во II главе, написанной И. Тэка (университет Рейтаку), рассматриваются религиозные и социальные корни японского бизнеса. Автор раскрывает влияние конфуцианства и буддизма на формирование традиций японской корпоративной культуры [6].

Отечественный буддолог А.С. Агаджанян отмечает, что в буддийских регионах нет прямого запрета на богатство. В то же время существует понятие «праведное богатство», содержание которого расширено в последние десятилетия. При этом сохраняется, в определенном смысле, отрицательное отношение к богатству банкиров и торговцев. Богатство в буддийской экономике признано, но оно лишено собственного содержания [1, с. 216]. Важной особенностью буддийского образа жизни является обмен материального на духовное, так материальное имущество превращается в заслуги или духовное имущество [1, с. 215]. В дальнейшем этот «моральный капитал» может быть подвержен трансформациям. Помимо пожертвований в пользу монастырей, особенно в сельской местности существует религиозно окрашенное перераспределение материальных средств (от имущих, богатых к неимущим) в виде дара. В его основе «лежит представление о разделении заслуг с ближним. Отдавая часть того, что у тебя в избытке ближним, ты тоже показываешь свою «не привязанность» к благам» [1, с. 214].

По мнению российского ученого С.Ю. Лепехова, буддийские монастыри играли большую роль не только в деле распространения культуры, но и выполняли функцию «поглотителя» избыточной денежной массы в экономике той или иной страны. Так как, в соответствии с «правилом Фишера», отмечает буддолог, рост денежной массы, начиная с определенного времени, мало повышает темпы денежного обращения и прибыли от этого. Поэтому прямая экономическая выгода в данном случае заключается в том, чтобы изъять лишние финансы из обращения и вложить их в духовные ценности. Поэтому крупные монастыри во многих буддийских странах являлись главным сосредоточием всех культурных и материальных богатств, выполняя до некоторой степени и функцию банков. Социально-экономическая модель буддизма, подчеркивает С.Ю. Лепехов, привлекла внимание многих западных экономистов, так как в ней оптимально сочетались сбалансированные потребности, общее высокое качество жизни, минимизированные затраты ресурсов, и относительно равномерное распределение прибавочного продукта, что в своей совокупности создает предпосылки для устойчивого развития социума [2, с. 14].

Ключевым принципом буддийского воззрения на хозяйственную деятельность, на наш взгляд, является трудовое происхождение собственности и богатства. Только легитимный, честный и общепользительный труд может являться, согласно нравственным принципам буддийской культуры, праведной деятельностью. Поэтому модернизация и ее идеология в странах буддийской цивилизации должна основываться на заслуженности успеха и пользе, приносимой предпринимателями, т.е. создании рабочих мест, насыщении потребительского рынка товарами и т.д. Другой важной стороной

буддийской модернизации должно быть сознательное самоограничение представителей бизнеса, а также сближение образа жизни разных имущественных и профессиональных групп благодаря отказу богатых от роскоши во имя производственных затрат.

Итак, в виде буддийской экономики и соответствующего образа жизни мы видим иную модель рационального хозяйствования, нежели та, которую навязывают миру некоторые западные экономисты. Образ жизни в «буддийских» странах характеризуется энергосберегающим способом поведения. Это, поскольку позволяет технология, касается и производства, и потребления. С буддийской точки зрения, экономическое развитие должно не столько умножать материальные блага, сколько способствовать развитию позитивных качеств в людях, их духовному развитию. При этом двигателем экономики должны быть не конкуренция и эгоизм, а сотрудничество и взаимопомощь.

Сегодня становится совершенно очевидно, что экономический рост сам по себе не способен привести к устойчивому развитию человеческого сообщества. Многие видные ученые прогнозируют в ближайшем будущем истощение природных ресурсов, демографический кризис и глобальную экологическую катастрофу в том случае, если современная парадигма развития человечества сохранится в течение ближайших десятилетий. В связи с этим, ученые все чаще обращают свой взор на многовековой опыт буддийской цивилизации, сумевшей достичь гармонию между человеком и природой.

Список литературы

1. Агаджанян А. С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады / А. С. Агаджанян. – Москва : Наука, 1993. – 294 с.
2. Лепехов С. Ю. Буддийская цивилизация как альтернативный путь развития в эпоху глобального кризиса / С. Ю. Лепехов // Буддизм в системе мировой цивилизации : материалы общероссийской научной конференции. – Элиста : Калмыцкий государственный университет, 1998. – С. 14–15.
3. Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира / Г. Мюрдаль. – Москва : Прогресс, 1972. – 767 с.
4. Роуч М. Алмазный гранщик: Будда о том, как управлять бизнесом и личной жизнью / М. Роуч. – Москва : Открытый мир, 2005. – 315 с.
5. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Э. Шумахер. – Москва : Высшая школа экономики, 2012. – 352 с.
6. Business ethics: Japan and the global economy / edited by Thomas W. Dunfee, Yukimasa Nagayasu. – Dordrecht ; Boston : Kluwer Academic Publishers, 1993. – 275 p.
7. Hosaka S. Buddhism and Japanese Economic Ethics / S. Hosaka, Y. Nagayasu // The Ethics of Business in a Global Economy. – Boston; Dordrecht; London : Kluwer Acad. Publ., 1993. – Pp. 99–104.
8. Ling T. O. Buddhist Values and the Burmese Economy / T. O. Ling // Buddhist Studies in Honour of I.B. Horner. – Dordrecht : Reidel, 1974. – Pp. 105–118.
9. Pfanner D. E. Theravada Buddhism and Village Economic Behavior: A Burmese and they comparison / D. E. Pfanner, J. Ingersoll // Journal of Asian studies, Ann Arbor. – 1962. – Vol. 21, no. 3, pp. 341–357.

References

1. Agadzhanian A. S. Buddiyskiy put v XX veke: Religioznye tsennosti i sovremennaya istoriya stran tkheravady [Buddhist path in the XX century: Religious values and the modern history of the Theravada], Moscow, Nauka Publ., 1993. 294 p.
2. Lepekhov S. Yu. Buddiyskaya tsivilizatsiya kak alternativnyy put razvitiya v epokhu globalnogo krizisa [Buddhist civilization as an alternative path of development in the era of the global crisis]. *Buddizm v sisteme mirovoy tsivilizatsii : materialy obshcherossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Buddhism in the World Civilization. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference], Elista, Kalmyk State University Publ. House, 1998, pp. 14–15.
3. Myrdal G. *Sovremennye problemy tretogo mira* [Modern problems of the «third world»], Moscow, Progress Publ., 1972. 767 p.

4. Rouch M. *Almaznyy ogranshchik: Budda o tom, kak upravlyat biznesom i lichnoy zhiznyu* [The Diamond Cutter: The Buddha On Managing Your Business And Your Life], Moscow, Otkrytyy mir Publ., 2005. 315 p.
5. Shumakher E. *Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroy lyudi imeyut znachenie* [Small is Beautiful: Economics as if People Mattered], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2012. 352 p.
6. Dunfee Thomas W., Nagayasu Yukimasa *Business ethics: Japan and the global economy*, Dordrecht, Boston, Kluwer Academic Publishers Publ., 1993. 275 p.
7. Hosaka S., Nagayasu Y. *Buddhism and Japanese Economic Ethics. The Ethics of Business in a Global Economy*, Boston, Dordrecht, London, Kluwer Academic Publ., 1993, pp. 99–104.
8. Ling T. O. *Buddhist Values and the Burmese Economy. Buddhist Studies in Honour of I. B. Horner*, Dordrecht, Reidel Publ., 1974, pp. 105–118.
9. Pfanner D. E., Ingersoll J. Theravada Buddhism and Village Economic Behavior: A Burmese and they comparison. *Journal of Asian studies, Ann Arbor*, 1962, vol. 21, no. 3, pp. 341–357.

ХЛЫСТОВЩИНА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nesy71@mail.ru

Хлыстовщина считается одной из самых массовых сект России XIX в. являясь, в то же время, одной из самых загадочных. До настоящего времени не существует единой гипотезы о происхождении как названия, так и самой секты, и её особенностях. Большинство исследователей признают старообрядческие корни хлыстовщины, а временем её возникновения считается последняя треть XVII в. Основные положения вероучения хлыстов и внутренняя регламентация повседневной жизни сектантов также указывают на связь хлыстовщины с радикальными толками старообрядчества.

Ключевые слова: Сектантство, хлыстовщина, старообрядчество, миссионерство

KHLYSTOVSHCHINA: HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Kanateva Natalya S., Ph.D. (Biology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: nesy71@mail.ru

Khlystovshina is considered one of the most popular sects of Russia of the XIX century, being, at the same time, one of the most mysterious. To date there is no single hypothesis about the origin of both names, and sects, and its features. Most researchers recognized old believer's roots of Khlystovshina and time of its occurrence is the last third of the seventeenth century, the main provisions of the creeds of whips and internal regulation of the daily life of sectarians also indicate the relationship of histamine with radical senses of the old believers.

Keywords: Sectarianism, Khlystovshina, old belief, missionary work

Астраханская губерния во второй половине XIX в. в конфессиональном отношении представляла собой чрезвычайно пёструю картину. Наряду с традиционными религиями, господствующим православием и присущим региону мусульманством, существовали также старообрядчество и разнообразное сектантство: экстатико-мистические секты, такие, как хлыстовщина и скопчество, и рационалистические, такие, как молоканство, баптизм и штундизм. В миссионерской практике всё это носило название «раскол», как «собирательное обозначение всей совокупности конфессиональных групп русского народа, отколовшихся от... церкви и не связанных с нею церковным общением» [23, с. 34].